



**Андреа Торньелли**

## **Мир Папы Войтылы**

Трудно понять «миротворческую деятельность» Иоанна Павла II вне контекста традиций папских речей XX века. Красной нитью проходит поведение понтификов через весь двадцатый век, начиная от Бенедикта XV с его намерением дать характеристику трагедии Великой Войны и заканчивая деятельностью Папы Войтылы. Красная нить берет свое начало на заре прошлого века, когда папство начинает приобретать все более религиозные черты и характеризуется большей свободой после периода светской власти, в то время как войны с появлением оружия большей разрушительной силы становятся все более угрожающим фактором для человечества. Иногда папская преемственность носит «физический» характер, когда исполнителями ее становятся папы или будущие папы: проект известной «Ноты Мира» Бенедикта XV, например, готовился его преосвященством Эудженио Пачелли, будущим Пием XII. Проект возвания папы римского Пия XII 24 августа 1939 г. («Мир не угрожает ничему. С войной можно потерять все... Пусть люди придут к взаимопониманию. Начнем переговоры») был подготовлен его преосвященством Джованни Батиста Монтини, будущим Павлом VI.

Кроме такой преемственности заметен медленный, но непрерывный прогресс, который выражается во все более частом апеллировании римских епископов к международным организациям, к утверждению роли Организации Объединенных Наций. Иоанн Павел II при более тщательном рассмотрении показывает себя еще более непримиримым противником

войны, чем его предшественники. Это не означает, однако, что Папа Войтыла исключал использование силы в качестве *extrema ratio* после того, как были использованы все переговорные рычаги для решения кризисной ситуации, во время которой грубым образом попирались нормы международного права: такая возможность предусмотрена и записана в катехизисе Католической церкви, который был принят им же, в параграфе 2309, посвященном «исключительным условиям» использования военной силы в целях самообороны, в котором, в частности, сказано: «Ответственность за оценку условий правомерности таких действий с точки зрения морали возлагается на тех, кто принимает такое решение, руководствуясь целями общего блага». Решительное и категорическое неприятие войны со стороны Войтылы является не столько выражением его принципиальной позиции, сколько результатом того обстоятельства, что ему самому лично пришлось пережить ужасы второй мировой войны. Он сам неоднократно говорил об этом, а в последний раз – во время молитвы «Ангел Господень» (молитва к Пресвятой Богородице) 16 марта, когда обращался к «молодым» вершителям судеб мира. Он говорил: «Я принадлежу к поколению, которое хорошо помнит войну, которому удалось с Божьей помощью выжить во второй мировой войне. Вот по этой причине я должен постоянно напоминать о войне молодым, которым посчастливилось ее не видеть. Мой долг напоминать и говорить „больше нет войне“, как это делал Павел VI во время своего визита в ООН. Мы должны делать все от нас зависящее! Мы все хорошо знаем, что невозможно требовать мира любой ценой, но в то же время нам всем ясно, насколько велика наша ответственность в этом вопросе. Нашим оружием должны стать молитва и покаяние».

Никто из его предшественников в XX веке не видел так близко ужасы войны, как это довелось увидеть двадцатилетнему Каролу Войтыле в оккупированной нацистами Польше, впоследствии попавшей в сферу влияния Советского Союза. Ни одной стране не выпало на долю заплатить такую высокую цену во время военного конфликта и после него.

Мы попытаемся проанализировать поведение Иоанна Павла II на фоне некоторых кризисных ситуаций международного масштаба, останавливаясь только на отдельных моментах по вполне понятным причинам ограниченности рамками данной статьи (полный анализ должен включать сотни обращений, целью которых было стремление привлечь внимание мировой общественности к «забытым конфликтам», особенно когда речь шла об Африке, о которой Папа Войтыла никогда не забывал). Мы постараемся показать некоторые магистральные линии его деятельности в данном направлении: беспристрастность (что вовсе не означает нейтралитета), утверждение приоритетности международного права и прав отдельных народов, усилия, предпринимаемые для того, чтобы использовать все доступные средства и избежать использования военной силы, а в случае, если конфликт неизбежен, сделать все возможное, чтобы смягчить его последствия для мирного населения, оказать конкретную помощь жертвам обеих конфликтующих сторон. Важно отметить особый «папский стиль» поведения в период военного конфликта: после того как война вспыхнула – умение найти необходимые слова и, главное, выбрать соответствующую ситуации дипломатическую линию поведения с целью спасения максимального количества человеческих жизней.

Но что более всего характерно для понтификата Иоанна Павла II и что проявилось еще задолго до трагедии 11 сентября 2001 г. – это неутомимые попытки лишить «религиозной» идеи акты терроризма, войны, проявления ненависти и жестокости, доказать, что они не имеют ничего общего с именем Бога.

### **Острова раздора**

До того, как разразилась война между Аргентиной и Англией, многие даже не подозревали о существовании Фолклендских (Мальвинских) островов. Аргентина претендовала на острова еще с 1833 г., когда они были окончательно оккупированы англичанами. Кризис обострился в 1982 г., и 2 апреля генерал Леопольдо Гальтьери отдал приказ оккупировать весь

Мальвинский архипелаг. Операция заняла всего лишь один день, 2 апреля. Англия немедленно разорвала дипломатические отношения с Аргентиной и обратилась к Совету Безопасности ООН. Представители стран-членов ООН приняли резолюцию № 502, в которой было отражено требование о немедленном выводе аргентинских войск и начале переговоров, с целью разрешения спорных вопросов дипломатическим путем. Британское правительство консерваторов во главе с Маргарет Тэтчер приняло решение послать на архипелаг военно-морскую эскадру, готовую применить силу, чтобы вернуть захваченные территории.

На всем протяжении развития конфликта Иоанн Павел II подтвердил приверженность традиционной линии доверия своих предшественников по отношению к ООН: вне зависимости от законности или незаконности характера своих притязаний, Аргентина была признана виновной в развязывании военной агрессии по отношению к другому государству. Аргентина должна была отказаться от того, что было получено с помощью силы, и решить спорный вопрос с Англией дипломатическими методами, уважая права народов и наций<sup>1</sup>. Посредническая миссия ООН не принесла успеха.

2 мая Иоанн Павел II выступил в «Реджина Коэли», обращаясь к воюющим сторонам и ко всей мировой общественности с призывом оставить попытки решить проблему силовыми методами и вернуться к диалогу, подумать о «бесценных человеческих жизнях, которые уже принесены или будут принесены в жертву. Подумать об уже открывшейся пропасти между народами, которая грозит разрастись еще больше. Подумать о последствиях в международном масштабе, которые могут стать результатом данного конфликта». Но ничего не помогло. 21 мая 1982 г. Англия начала высадку войск. Две конфликтующие стороны подошли к точке открытого военного столкновения. Видя, что призывы не возымели никакого действия, Папа Войтыла взял бумагу и перо и написал

---

<sup>1</sup> Необходимо упомянуть, что местное население имело британское гражданство и никогда не стремилось сменить его на аргентинское.

телеграммы главам двух государств, Тэтчер и Гальтьери, призывая их сесть за стол переговоров и избавить население от ненужных страданий. Оба лидера не вняли призывам. В те дни озабоченность Иоанна Павла II усиливалась еще и потому, что перед ним встала поистине серьезная задача: дата пастырской поездки, которую он должен был совершить в Англию, была уже не за горами (отъезд был запланирован на 28 мая), и таким образом ставилась под сомнение беспристрастность папы и всего Святого престола.

О данной поездке решение было принято полтора года назад. Речь шла, прежде всего, о важном этапе в деле продолжения экуменического диалога с англиканской церковью. Но визит на английскую землю в данном историческом контексте был бы большой бестактностью в свете того факта, что Англия находилась в состоянии войны с государством, исповедующим христианскую религию. Кроме этого, католицизм в Аргентине считался государственной религией. В глазах мировой общественности поездка в Англию рассматривалась бы не иначе как более предпочтительное отношение Святого престола к английским католикам и игнорирование католиков Аргентины. Казалось, что сама ситуация загнала Войтылу в угол: любое принятое решение – будь то подтверждение поездки, будь то ее отмена – неизменно шло вразрез с классической линией папства на беспристрастное поведение в ходе военных действий.

Как можно было поступить в такой ситуации? На всеобщей аудиенции 26 мая 1982 г., накануне пастырской поездки в Англию, было объявлено о визите папы в Аргентину в период с 11 по 13 июня. Это был гениальный ход для того, чтобы сохранить лицо в данном положении. Папа Войтыла в своей речи информировал верующих о том, что им послано письмо аргентинским католикам, в котором он объяснил причины того, почему он не может отказаться от поездки в Англию: «Римский понтифик [...] несет ответственность перед всей церковью». Настроения в Англии «уже на такой стадии ожидания, что я не могу отказаться от данного визита [...]

Отмена или перенос «поездки» станет причиной «разочарования не только для католиков, но и для многих людей другой веры, которые рассматривают такой визит как важное событие в свете экуменического диалога». Однако «все хорошо знают те чувства любви, которые я испытываю по отношению к вашему народу и ко всей Латинской Америке», и, «глубоко переживая за дело мира и переполненный любовью к вам в это нелегкое время, я принял решение отправиться в Аргентину сразу же после посещения Англии, и среди вас и с вами [...] произнести молитву в Люжанском храме Богородицы во имя торжества справедливого мира над войной».

«Невиданные ранее в Буэнос-Айресе толпы народа» сопровождали его до Люжанского храма; из тысяч и тысяч уст несся крик: «Хотим мира». Около 300 000 верующих присутствовало на мессе, которую вел Войтыла в храме. Вся нация следила за происходящим по телевизионному эфиру<sup>2</sup>. Аргентина предпочла мир и отвергла войну, которую пытался навязать Гальтьери.

14 июня 1982 г., на следующий день после отъезда Иоанна Павла II из Буэнос-Айреса, Фолкленды-Мальвины были возвращены под юрисдикцию Англии. Гальтьери подал в отставку.

## Война в заливе

В 1989 г. с падением Берлинской стены международная обстановка начала приобретать новые черты: заканчивалась холодная война и одновременно на смену старому мировому порядку, при котором, несмотря на атмосферу недоверия, установилось определенное равновесие, шел новый мировой порядок, отличительные черты которого были еще не совсем ясны. Для Папы Войтылы открывались двери нового международного устройства, которое характеризовалось «большим временным промежутком рациональности и диалога, соли-

---

<sup>2</sup> С. Calderon, *Benvenuto al messaggero della pace* и *Cristo in tutto il mondo* // „L'Osservatore Romano”, 13 июня 1982 и 14-15 июня 1982.

дарности и мирного разрешения международных проблем». Не прошло и года с момента окончания холодной войны, как надеждам Иоанна Павла II пришлось перенести серьезное испытание: 2 августа 1990 г. Ирак, возглавляемый диктатором Саддамом Хусейном, напал на Кувейт. Новый мировой порядок начинался под знаком войны. Саддаму была нужна нефть. Уверенный в том, что Соединенные Штаты не будут препятствовать его экспансионистской политике, он принял решение напасть на Кувейт. Но просчитался.

Иоанн Павел II был не единственным сторонником нового мирового устройства. Американский президент Джордж Буш имел свои планы на этот счет: после крушения коммунизма мир должен был управляться таким образом, чтобы международной несправедливости в нем места не оставалось<sup>3</sup>. Но кто возьмет на себя ответственность управлять миром? Конечно же, единственная сверхдержава, которая осталась уверенно стоять на ногах после сорока двух лет холодной войны. Решение немедленно выступить против Саддама должно было показать всем, что американская сверхдержава имеет право и необходимые средства единолично управлять миром. Для проведения данной военной акции необходимо было получить согласие высшего арбитражного международного органа: ООН. Организация Объединенных Наций осудила агрессию со стороны Ирака и приняла решение о введении экономических и военных санкций против этой страны. Однако самое важное значение имела резолюция № 678, одобренная 29 ноября 1990 г., согласно которой Соединенные Штаты получили от ООН официальное разрешение на использование военной силы для освобождения Кувейта. Советский Союз и Китай не возражали.

Папа был одним из противников войны в Заливе. Но одновременно он был ярким противником Саддама. Официальная позиция Святого престола была ясно изложена Иоанном Павлом II во время молитвы «Ангел Господень» 26 августа

---

<sup>3</sup> S. Romano, *La pace perduta*, Milano, 2002, p. 19.

1990 г.: «Мы стали свидетелями грубого нарушения международного права и хартии ООН, а также принципов этики, которые составляют основу сосуществования народов [...] Мировой порядок [...] находится под угрозой». Осуждение агрессии Ирака против Кувейта было выражено ясно и недвусмысленно. Прозвучал также призыв «к тем, в чьих руках находятся бразды правления судеб народов», найти с помощью «конструктивного диалога [...] правильные решения для текущих проблем»<sup>4</sup>. Война грозила серьезными последствиями для всего Ближнего Востока. Все факторы побуждали Иоанна Павла II настаивать на мирном разрешении конфликта. В ходе данного конфликта заслуживают внимания три позиции, которые занял Иоанн Павел II. Первая – историческое дистанцирование Папы от ООН.

ООН (а также Саддаму, чье вторжение, подчеркиваем, было категорически осуждено понтификом) Иоанн Павел II напоминал в послании «Городу и Миру» от 25 декабря, что «война – это акция, которая не имеет обратного хода [...] Стороны должны понять, что только «здравый смысл, терпение и диалог, наряду с уважением прав народов и людей, могут вывести на путь взаимопонимания и мира». На всеобщей аудиенции 16 января 1991 г., когда срок ультиматума по выводу войск, предъявленный ООН Саддаму, истек, тон Папы Войтылы стал еще более озабоченным: «нет войне, авантюре, которая не имеет конца, нет войне, спирали траура и жестокости; нет войне в Персидском заливе». Это было неслыханно: многие спрашивали Иоанна Павла II, почему он осуждает ООН в тот момент, когда эта организация наконец решила вмешаться, «чего Ватикан так желал на протяжении многих десятилетий»<sup>5</sup>, и к тому же это не согласовывалось с генеральной линией его предшественников.

---

<sup>4</sup> Выступления Иоанна Павла II по кризису и войне в Заливе, цитируемые здесь, могут быть найдены в номерах „L'Osservatore Romano“, а также *Giovanni Paolo II per la pace nel Golfo* // „I quaderni de L'Osservatore Romano“, Vaticano, 1991, numero 16.

<sup>5</sup> G. Weigel, *Testimone della speranza*, Milano, 1999, p. 779.

Но так ли было на самом деле? Дистанцирование Иоанна Павла II от вооруженной акции ООН ни в коем случае не означало ее осуждения. То, что Иоанну Павлу II не нравилось больше всего в факте вмешательства ООН, – это то, что в военной акции против Саддама ведущая роль американцев была слишком явной.

Характерно выступление Папы Войтылы 12 января 1991 г. перед дипломатическим корпусом: «Штаты сегодня начинают осознавать благодаря различным структурам международного сотрудничества, что международное право не является продолжением их неограниченного суверенитета, не является способом защиты их собственных интересов или гегемонистских устремлений. Этот кодекс поведения действует для человечества в целом». В той же речи он добавлял: «Очень хорошо, что Организация Объединенных Наций стала международной организацией, которая так оперативно взялась за разрешение этой тяжелой кризисной ситуации».

Какие конкретные дипломатические меры можно предпринять, чтобы избежать ситуации, при которой одна сверхдержава доминирует в мире? Найти другую политическую структуру, которая стала бы эффективным противовесом: объединенная Европа. «Эпоха противостояния и разделения Европы позади», – говорил Иоанн Павел II в своем выступлении перед дипломатическим корпусом 12 января 1991 г. На фоне новой международной ситуации, характеризующейся доминированием американцев, «становится актуальной новая реальность: укрепление европейской солидарности», в рамках которой необходимо помочь европейским странам из бывшего соцлагеря выйти из экономического, политического и социального кризиса, вовлечь их в проект европейского союза, начало которому уже положено государствами-членами ЕЭС и который должен проводить свою собственную внешнюю политику, обладать системой коллективной защиты. Никто из понтификов так не настаивал на срочности европейского объединения, как это делал Иоанн Павел II.

15 января Иоанн Павел II сделал последнюю попытку предотвратить войну: послал два сообщения, одно иракскому диктатору, а другое американскому президенту Джорджу Бушу как главе государства, на долю которого приходилась главная роль в ведении военной операции в Заливе. Через день, 16 января, Войтыла позвонил Бушу и сказал ему, что он продолжает молиться за мирное разрешение конфликта. Но бесполезно. 17 января 1991 г. началась война в Заливе: ночью американские самолеты начали бомбардировки Багдада.

Как и его предшественников, Иоанна Павла II больше всего беспокоила судьба невинных жертв. На всеобщей аудиенции 23 января, после бомбардировок Израиля со стороны Ирака, его речь звучала следующим образом: «Я солидарен со всеми теми в Израиле, кто пострадал от бомбардировок вчера и несколько дней тому назад. В то же время мне бы хотелось выразить поддержку населению Ирака и других стран, вовлеченных в конфликт, на долю которых выпали такие серьезные испытания». В очередной раз Иоанн Павел II не делает различий между населением стран – участниц конфликта. 27 января во время молитвы «Ангел Господень», вознеся молитвы за мирное население, которое подверглось бомбардировкам «и было вынуждено сотнями тысяч покинуть родные дома, чтобы столкнуться с жестокой действительностью жизни беженцев», Папа объявил о том, что им дано распоряжение начать мероприятия по оказанию гуманитарной помощи, сказал о том, что была создана комиссия, «которой поручено координировать усилия, предпринимаемые на международном уровне с целью помощи беженцам с Ближнего Востока»; Папа выразил свою озабоченность ужесточением «происходящей трагедии» из-за «действий, которые неприемлемы как с точки зрения этики, так и с точки зрения действующих международных конвенций. Наиболее тревожными были поступающие новости о судьбе военнопленных». Необычайная разрушительная сила используемого вооружения очень беспокоила Папу. 6 февраля на всеобщей аудиенции он сказал: «В этом страшном конфликте не должны быть использованы новые

средства уничтожения. Я имею в виду химическое и бактериологическое оружие, применением которого не раз угрожали и которое представляет серьезную опасность для всех нас».

Обеспокоенность за судьбы жертв конфликта, боязнь того, что существует вероятность расширения конфликта и применения оружия большей разрушительной силы, являлись определяющим фактором поведения Иоанна Павла II и его настойчивого требования покончить с войной: «во время воздушных налетов в январе и феврале 1991 г. и коротких наземных сражений в период с 24 по 28 февраля он издал не менее «двадцати пяти обращений с призывом установить мир в Заливе»<sup>6</sup>. Его деятельность в этом направлении часто становилась предметом спекуляций<sup>7</sup>. Тот факт, что многие пацифисты жгли на площадях разных стран мира звездно-полосатые флаги, не утруждая себя осуждением агрессии Ирака против Кувейта, явился практическим свидетельством предвзятого отношения к проблеме, следствием которого стала неприкрытая демонстрация ненависти в отношении Соединенных Штатов. Напротив, осуждение Святым престолом и лично Иоанном Павлом II иракской агрессии неоднократно подчеркивалось во время его выступления перед дипломатическим корпусом 12 января, за пять дней до начала войны: нельзя оставаться равнодушным к «вооруженной агрессии страны и грубому попранию международных законов [...] это недопустимо», в противном случае мы скатимся «к законам джунглей». Во время молитвы «Ангел Господень» 20 января Войтыла обратился к воюющим сторонам с призывом

---

<sup>6</sup> *Ibidem*, p. 775.

<sup>7</sup> В католическом мире как на политическом, так и на религиозном уровне не было единогласия. На политическом уровне правительство Андреотти не могло пойти вразрез с атлантической солидарностью и нарушить политические обязательства, вытекающие из решений ООН: было принято решение об отправке итальянских солдат в Залив, и это несмотря на то, что среди христианских демократов звучали голоса несогласия. На религиозном уровне такие католические движения, как Сопричастность и Освобождение, не связанные политическими обязательствами, поддержали линию, проводимую Папой.

остановить «как можно скорее войну и приложить все усилия, чтобы устранить причины, из-за которых она была начата». Обращаясь к пацифистам, Иоанн Павел II говорил о необходимости войны, ссылаясь на то, что «применение силы для установления справедливости вполне допустимо, в случае, когда такая сила пропорциональна результатам, которых необходимо достичь», после того, когда тщательно продуманы «последствия военных действий для выживания населения всей планеты, которые становятся все более разрушительными из-за использования современного оружия».

Экуменический диалог являлся важнейшей составляющей миротворческой деятельности Войтылы, не только с точки зрения сосуществования и сотрудничества религий, но также и для защиты христианских меньшинств внутри других конфессий. Все это дало импульс образованию сети школ и университетов, которые принимали молодых людей различного вероисповедания и социального положения. Больницы, диспансеры, приюты стали «прекрасным свидетельством милосердия». Поэтому было крайне важно постараться избежать добавления к политической конфронтации религиозной розни. В противном случае это породит непреодолимую бездну ненависти между мусульманами, иудеями и христианами. Саддам призывал мусульман к «священной войне» против неверных, пытаясь таким образом внести раскол в альянс арабских стран и США. Поэтому в многочисленных призывах Иоанна Павла II красной нитью проходило единение между тремя монотеистическими религиями: вера в единого Бога, Авраама, Бога мира. Папа призывал всех к единению в молитве за прекращение вражды. 25 января 1991 г., например, он говорил следующее: «Мои мысли направлены к миллионам верующих в единого Бога – христианам, иудеям и мусульманам, к тем, кто сейчас переживает нелегкое время страданий и несчастий [...] Вера в единого Бога роднит нас всех, делает братьями, сыновьями одного Творца, призывает нас всех в глубине души помолиться за то, чтобы мир и справедливость одержали верх в Заливе и на всем Ближнем

Востоке». Два дня спустя, во время молитвы «Ангел Господень», он выразился следующим образом: вера иудеев, христиан и мусульман в единого Бога «не должна быть причиной конфликтов и трений, а должна служить преодолению существующих разногласий через диалог и переговоры».

Во время молитвы «Ангел Господень» 3 марта Иоанн Павел II выразил удовлетворение и еще раз продемонстрировал свое участие к проблемам всех народов, вовлеченных в конфликт: «Поддержим народ Кувейта, который после тяжелых испытаний вновь обрел независимость [...] Выразим сочувствие народу Ирака и его страданиям» в надежде, что «с установлением окончательного мира данной стране будет предоставлена возможность сотрудничества с соседними и другими странами мирового сообщества. Подумаем о других народах региона, которые больше всего страдают от войны в Персидском заливе: пусть Бог милосердный даст им надежду на лучшее будущее!».

Во время встречи с представителями епископатов стран-участниц конфликта, проходившей 4-5 марта, Папа призвал найти решение, уважающее права народов и наций, для «горячих зон» Ближнего Востока, призвал народы Кувейта и Ирака к примирению между собой и «с большой семьей наций» и, наконец, объявил о том, что концепция «священной войны» должна быть заменена противоположным понятием, экуменическим диалогом, «символом настоящего и скорого примирения между народами».

## **Распад Югославии**

Святой престол в первой половине 1991 г. делал все возможное, чтобы спасти югославское государство через превращение его в конфедерацию, приемлемую для всех проживающих там этносов. Но провозглашение независимости Словенией и Хорватией стало сильным ударом по надеждам Ватикана. Через 11 лет после смерти Тито Югославия распалась по швам. Единственным авторитетом по-прежнему

оставалась армия. Коллегиальный Президиум с трудом сдерживал стремление военной верхушки сербов подавить «бунт» словенцев и хорватов. Военные действия начались почти сразу после объявления независимости Словенией и Хорватией. Одновременно Иоанн Павел II выступил со своим «планом мира». В течение всей второй половины 1991 г. «абсолютным приоритетом» (всеобщая аудиенция 3 июля) являлось прекращение противостояния, чтобы избавить население вовлеченных в конфликт сторон от ненужных страданий и приступить к переговорному процессу по спорным вопросам. В связи с этим 28 июня Папа написал три послания, соответственно Анте Марковичу (Президенту Коллегиальной Лиги), Франьо Туджману (Президенту Республики Хорватия) и Милану Кучану (Президенту Словенской Республики). По этому поводу во время молитвы «Ангел Господень» было сказано следующее: «Никто не может и не должен подавлять силой законные стремления народов». Но ситуация уже вышла из-под контроля. Несмотря на то, что президент Коллегиальной Лиги Югославии, хорват Стипе Месич, приказал федеральным войскам вернуться в казармы, сербы-военные, которые ориентировались на своего лидера Слободана Милошевича, не были расположены подчиняться президенту-хорвату. Желание развязать войну взяло верх.

«Сегодня как никогда необходимо быть осторожными и разумными [...] военное столкновение [...] может привести к губительной катастрофе. Этого надо избежать любой ценой». Так говорил Иоанн Павел II во время молитвы «Ангел Господень» 21 июля 1991 г. Несмотря на то, что война уже шла, Папа и Святой престол не оставляли надежд на мирное урегулирование кризиса на основе уважения прав народов. И действительно, война в Словении продлилась всего лишь несколько дней. Соглашения, подписанные в г. Бриони, предоставили стране независимость. Однако в Хорватии положение было совершенно другим. Если Словения была этнически однородной и почти полностью католической, то Хорватия была населена, в особенности Славония и Крайна, многи-

сленными общинами сербов (около шестисот тысяч человек). Как только Хорватия отделилась от Белграда, сербы Крайны и Славонии в свою очередь отделились от Хорватии. Президент Хорватской Республики Туджман, коммунист, превратившийся, как собственно и Милошевич, в националиста, направил войска на усмирение сепаратизма провинций; в качестве ответной меры Милошевич бросил сербские войска против хорватских. Неоднородность национального состава Хорватии и непримиримость двух националистических настроений по отношению друг к другу очень ужесточили конфликт. Иоанн Павел II предпринял попытку призвать на помощь экуменический диалог и Европу. Папа хотел показать, что конфликт в Югославии не носил религиозного характера. В своем послании Патриарху Сербии Павлу от 10 октября 1991 г. Папа Войтыла был крайне недвусмысленен: «Мы прекрасно знаем [...] что причиной войны является политика, а не религия». И это было действительно так. Настоящей причиной войны в Югославии был национализм. Поэтому в ходе балканского конфликта Иоанн Павел II неоднократно выступал с его осуждением: если патриотизмом мы считаем «нормальную и честную любовь к своей идентичности в рамках определенной национальной общности», когда люди рассматривают существующие различия между разными народами как возможность взаимно обогатиться», то «отрицание патриотизма есть национализм» в то время как патриотизм предполагает, что любить свое – это значит уважать чужое, национализм презирает все то, что считает чужим». Цель национализма – разрушение чужого при одновременном «обожествлении своей нации» (выступление перед дипломатическим корпусом, 1994 г.).

Несмотря на все усилия, которые прилагал Иоанн Павел II, экуменический диалог сразу выявил пределы своих возможностей. В отличие от Папы, Патриарх Сербии не представлял собой независимую религиозную силу: исторически сложилась так, что православная церковь претендовала на религиозную монополию по отношению к другим славянским народам и с подозрительностью относилась к любым попыткам

вмешательства со стороны католической церкви. Патриарх предпочел в данном случае выступить в роли осторожного пособника националистической политики Милошевича<sup>8</sup>. Папа и Святой престол, наоборот, будучи обеспокоенными судьбами хорватских католиков, публично высказывались в защиту всех народов теперь уже бывшей Югославии. Иоанн Павел II много раз пытался наладить контакты с Павлом, призывая его «набраться смелости освободиться от условностей прошлого и помочь найти ответы на актуальные проблемы в соответствии с принципами справедливости и милосердия». Однако такие попытки не принесли ощутимых результатов. Тем не менее, экуменизм оставался характерной чертой действий Войтылы в его борьбе за мир для бывшей Югославии. В этой связи можно вспомнить два события. 10 января 1993 г. в городе Ассизи Иоанн Павел II встретился с представителями конфессий, христианских, иудейских и мусульманских общин: во время встречи в Святой обители Сан Франческо Папа Войтыла сказал: «Различия, разделяющие нас, остаются, и это очень важный момент [...] необходимо показать всем, что только во взаимном принятии друг друга и в последующем взаимоуважении, более глубокой стадией которого является взаимная любовь, лежит секрет» достижения мира; «войнам мы противопоставим [...] демонстрацию нашего согласия, уважения национальных особенностей каждого».

Помимо экуменического инструмента, в своей деятельности Иоанн Павел II часто опирался на ООН и, в особенности, на Европу. Югославский кризис послужил подтверждением того факта, что Европа существует и способна выступить как серьезная сила<sup>9</sup>, взять реванш за проявленную слабость во время войны в Заливе и возобновить движение на укрепление

---

<sup>8</sup> Примечательно замечание, которое высказал 25 ноября 1992 г. глава мусульманской делегации Якуб Селимовски во время составления призыва к миру в бывшей Югославии по окончании встречи между главами балканских конфессий: «Нам приходится с грустью констатировать, что со стороны православной церкви не слышны голоса осуждения войны». Это свидетельствует о трудности ведения экуменического диалога.

<sup>9</sup> S. Romano, *op. cit.*, p. 49.

своего внешнеполитического курса и системы коллективной обороны. Однако в очередной раз Европа разочаровала Папу Войтылу. Разногласия между основными странами были тотальными: французы, стремящиеся играть гегемонистскую роль на Балканах, выступали с просербских позиций; немцы, их соперники, стремились захватить ведущие роли в экономике и решительно выступили на стороне хорватов; итальянцы были за сохранение старой Югославии, в силу хороших отношений, которые были налажены в предыдущие годы. Кроме всего прочего, в марте 1992 г. ООН послала в Хорватию подразделения «голубых касок», которые состояли в основном из европейцев, как того требовал Милошевич, с целью защитить недавно захваченные сербские поселения в Хорватии (Крайну и Славонию). Солдаты из Европы защищали статус-кво, то есть сербскую победу над хорватами, и это подрывало доверие хорватов к европейскому посредничеству.

Иоанн Павел II не замедлил выразить свое неодобрение: «Европейские страны [...] не могут избежать ответственности в свете разыгравшейся драмы»; «Такая жестокость не может оставить Европу равнодушной!». Это было сказано во время молитвы «Ангел Господень» 15 сентября 1991 г., и 1 января 1992 г. Европа попыталась сделать из Югославии «испытательный полигон для своей внешней политики». И снова такие попытки закончились неудачей<sup>10</sup>.

Когда на дипломатическом уровне стало очевидно, что распада Югославии не избежать, Святой престол сделал все возможное, чтобы страны-члены КБСЕ (Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе) признали независимость Хорватии и Словении, «что вытекает из законных устремлений, выраженных демократическим образом», но в рамках соблюдения принципов, содержащихся в Хельсинкском акте 1975 г: защиты прав человека, прав национальных меньшинств, неприкосновенности границ. Словения и Хорватия согласились на предложенные Святым престолом условия,

---

<sup>10</sup> B. Olivi, *L'Europa difficile*, Bologna, 2001, p. 374; S. Romano, *op. cit.*, p. 53.

который со своей стороны признал независимость двух стран с 13 января 1992 г.<sup>11</sup> На тех же условиях Святой престол признает независимость республик, если они об этом впоследствии попросят. Но призыв соблюдать международные нормы не снял напряженности. Напротив, через несколько месяцев война распространилась и на Боснию-Герцеговину. 29 февраля 1992 г. на основании результатов проведенного референдума была провозглашена независимость, которая была признана Святым престолом и Европейским союзом (новое название ЕЭС после ратификации Маастрихтского договора 7 февраля 1992 г.). Президент Боснии-Герцеговины Алия Изетбегович, мусульманин, принял решение исламизировать регион. Однако Босния-Герцеговина при большинстве мусульманского населения представляла собой настоящую этническую мозаику, состоящую из хорватов (Герцеговина), сербов (Пале и Баня-Лука) и таких многонациональных городов, как Сараево и Мостар, с мечетями, католическими и православными храмами. В конце марта началась ожесточенная схватка «все против всех»: Хорватия выступила на стороне хорватов Герцеговины, Сербия поспешила помочь сербскому меньшинству, а боснийские мусульмане воевали с хорватами и сербами одновременно. В то время как мусульмане разрушали церкви, сербы и хорваты сносили мечети и минареты: война из политического

---

<sup>11</sup> Необходимо напомнить, что признание Святым престолом Словении и Хорватии произошло после объявления о признании их со стороны ЕЭС (16 декабря 1991 г.) и, особенно, после одностороннего признания независимости двух стран со стороны Германии (23 декабря), в подтверждение прохорватской и антисербской позиции немцев. Позиция же Святого престола абсолютно не носила антисербского характера, который, как уже было отмечено, до последнего пытался сохранить Югославию в ее прежних границах. А когда была признана независимость Словении и Хорватии, то на пресс-конференции в тот же день 13 января было заявлено, что такое признание «ни в коем случае не является актом недоброжелательности в отношении Югославии» тем более, что его святейшество апостольский пронуций в Белграде, Габриэль Монтальва, продолжал выполнять «свою миссию представителя понтифика в Югославии». ЕЭС официально признала Хорватию и Словению 15 января, два дня спустя после их признания Святым престолом. Признав страны «с оговоркой», ЕЭС, однако, не сделал ничего, чтобы организовать проверку со стороны комитета высших должностных лиц ОБСЕ, как защищены права национальных меньшинств.

русла перешла в религиозное и от этого приобрела еще более ожесточенный характер.

Сербская армия, будучи более подготовленной и многочисленной, чем хорватская и боснийская, одержала несколько ощутимых побед, отбив Крайну и Славонию у хорватов, систематически подвергала бомбардировкам наиболее густонаселенные хорватские города (Вуковар, Дубровник, Зара), затем подвергла осаде город Сараево, столицу Боснии-Герцеговины. Трагическое развитие событий побудило Иоанна Павла II увеличить количество обращений с призывом организовать гуманитарную помощь беженцам, которые покидали города, чтобы убежать от войны. Самое ужасное произошло в Сараево: осажденное население голодало, сербские части блокировали подход конвоев с продуктами питания и медикаментами. Даже Красному Кресту не было разрешено помочь измученному мирному населению. Сербские снайперы постоянно обстреливали людей, которые выходили на улицу в поисках пропитания. К этому списку можно добавить кровопролитие в других городах, например, в Бане-Луке и Мостаре. ООН и ЕЭС не смогли найти достойное решение, чтобы остановить эскалацию насилия (малопродуктивным оказалось решение ввести экономическое и военное эмбарго). Появление концентрационных лагерей побудило Иоанна Павла II принять решительные меры.

Из клиники Джемелли 7 августа 1992 г. Иоанн Павел II поручил Государственному секретарю Анджело Содано сделать важное заявление: «Для того чтобы остановить эту войну, помочь населению и выяснить причины творимых жестокостей в концентрационных лагерях, о которых Святой престол более чем хорошо осведомлен [...] европейские государства и ООН должны считать своим долгом и правом вмешаться, чтобы разоружить убийц. Европа, которая должна служить примером цивилизованности и гуманизма, сама подает плохой пример. Разве можно было представить, что военные самолеты будут бомбить в сердце Европы? Все это больше похоже на историю пятидесятилетней давности.

Поэтому вмешаться – это больше чем наше право! Мы будем проводить в жизнь это право всеми возможными средствами. Это послужит всему человечеству [...] и это будет сделано во имя всех христиан и мусульман». Кардинал Содано напомнил, что, когда на твоих глазах происходит «попрание всех принципов международного и гражданского права [...] молчание нужно рассматривать как грех самоустранения. Молчание в данном случае – это соучастие. Гуманитарное вмешательство должно «быть направлено не на то, чтобы способствовать, а чтобы помешать войне».

Значение гуманитарного вмешательства проходит красной нитью во многих публичных выступлениях понтифика и высокопоставленных представителей дипломатии Ватикана. 5 декабря 1992 г. в своем ежегодном выступлении на ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН) Иоанн Павел II сделал следующее откровенное заявление: «операции гуманитарного вмешательства должны приобрести обязательный характер в обстоятельствах, при которых серьезному риску подвергается жизнь народов и отдельных этнических групп». 17 января 1993 г. во время выступления перед дипломатическим корпусом по вопросу войны в Югославии он сказал следующее: «Когда в действие приведены все рычаги дипломатического воздействия [...] и, несмотря на это, целые народы находятся под ударом сил агрессора, государства не имеют больше „права на невмешательство“. Очевидно, что их долг теперь состоит в том, чтобы разоружить агрессора». О необходимости гуманитарного вмешательства было упомянуто Папой Войтылой в очередной раз во время выступления перед дипломатическим корпусом в 1994 г.: «Святой престол со своей стороны не устает напоминать о принципе гуманитарного вмешательства. Это не обязательно предполагает вмешательство военного характера, а скорее любые действия, которые направлены на то, чтобы „разоружить“ агрессора. Данный принцип в напряженных условиях кризиса на Балканах найдет достойное применение».

Следствием такой позиции Папы и Святого престола стала полная поддержка идеи создания 26 мая 1993 г. в Гааге под эгидой ООН Международного трибунала по преступлениям против человечества, совершенным во время войны в Югославии. Для Иоанна Павла II это было «знаком того, что растет осознание позора», который происходил в Югославии; «было бы неслыханно [...] сложить руки и отдать права человека на растерзание, согласиться с тем, что международные принципы попираются вооруженными бандами». Иоанн Павел II, вводя в обиход понятие политики гуманитарного вмешательства, высказался достаточно откровенно, но в то же время очень осторожно: осуждение войны и агрессии было недвусмысленным, но Войтыла никогда не называл поименно агрессоров, против которых призывал провести гуманитарную акцию. В его планы не входило усложнять ситуацию и способствовать ожесточению военных действий. Помимо всего прочего, сербы не были единственными виновниками зверств, творимых в бывшей Югославии: в некоторых случаях было достаточно затруднительно отделить вину одних от вины других<sup>12</sup>.

Гуманитарное вмешательство, наконец, разрешало одно очень серьезное противоречие, существовавшее в Хельсинском акте 1975 г., который провозглашал право народов на самоопределение и, одновременно, право на неприкосновенность границ. В реальности два этих принципа иногда шли вразрез друг с другом. Это явно проявилось в 1990 г., когда воля немецкого народа привела к объединению Германии: законное право на самоопределение народов нарушало принцип неприкосновенности границ. Концепция Заключительного акта должна была быть пересмотрена с учетом новых международных реалий. После крушения коммунизма не было больше смысла придерживаться данного принципа. Кроме того, право на самоопределение народов предполагало также возможность вмешательства гуманитарного характера в случаях, когда предпринимались попытки нагло нарушить такое

---

<sup>12</sup> S. Romano, *Guida alla politica estera italiana*, Milano, 2002, p. 264.

право, как это происходило во время войны в Югославии. Вот что было сказано Иоанном Павлом II на встрече с дипломатическим корпусом в 1993 г.: «Принципы суверенности государств и невмешательства в их внутренние дела, которые не теряют своего значения, не должны служить прикрытием для пыток и убийств». Смысл был очевиден: в особо тяжелых случаях и исключительно после того, как все попытки решить проблему дипломатическими средствами не принесли успеха, вмешательство приобретало характер морального долга. Поскольку церковь признавала главенство ООН как международного органа, считалось, что данная организация должна взять на себя проведение акции гуманитарного вмешательства. В заявлении от 7 августа 1992 г. кардинал Содано сказал: Если «инициатива вмешательства в Боснии-Герцеговине» будет предпринята «Организацией Объединенных Наций, особенно для того, чтобы сделать возможным оказание гуманитарной помощи», Святой престол «полностью поддержит такую акцию».

Летом 1995 г. боснийские сербы развернули крупномасштабное наступление в Боснии-Герцеговине. 11 июля сербские войска заняли мусульманский анклав Сребреница: более семи тысяч мусульман были уничтожены в присутствии «голубых касок» ООН, которые стали молчаливыми и беспомощными свидетелями одного из самых страшных преступлений против человечества, совершенного в период войны в Югославии. Иоанн Павел II выступил с новым призывом в пользу гуманитарного вмешательства: «Оборонительная война – ужасная вещь, но если кто-то нападает и покушается на ваше право жить, на ваше право существовать, у вас есть законное право на оборону». И «когда право на оборону не может быть исполнено самими заинтересованными в нем народами, на мировую общественность ложится моральная обязанность [...] сделать все возможное, чтобы вернуть этим народам надежду на жизнь». Только в этот момент Клинтон принимает решение вмешаться, но по причинам, которые сильно отличаются от причин, провозглашенных Иоанном Павлом II в его концепции гуманитарного вмешательства.

Желание доказать мусульманскому миру, что Соединенным Штатам не безразлична судьба Боснии, а также возмущение происходящим со стороны мировой общественности, особенно американцев (это имело не последнее значение, поскольку события совпадали с периодом президентской избирательной кампании), – вот некоторые из причин, которые побудили Билла Клинтона принять решение о силовом вмешательстве в югославский конфликт. Помимо всего прочего, это давало Америке возможность лишний раз продемонстрировать свое лидирующее положение в европейской и мировой политике. Сразу после бойни в Сребренице новоизбранный Президент Французской Республики Жак Ширак дал понять, что, в отличие от своего предшественника Миттерана, он не будет безучастным наблюдателем творимых в Югославии бесчинств. Но, учитывая несогласованность Европейского союза в военной и политической сферах, он был вынужден обратиться за помощью к американцам. Для Клинтона представилась очередная возможность продемонстрировать американское лидерство в Европе. Им было принято решение выступить в Югославии с помощью войск НАТО, а не через ООН. Таким образом, Соединенные Штаты освобождали себя от обязательства получать одобрение своих инициатив Советом безопасности. Превратив НАТО из оборонительного военного блока против уже не существующего врага (коммунизма) в нечто вроде «региональной ООН», которой отводилась роль организации, разрешающей международные кризисы с учетом американских интересов, американцы заполучили в свои руки право управлять судьбами целого мира<sup>13</sup>.

---

<sup>13</sup> S. Romano, *La pace perduta, op. cit.*, p. 196. Несколько лет спустя, 4 февраля 1999 г. (накануне войны в Косово), заместитель Государственного секретаря США Струоб Тэлбот утверждал, что, продолжая уважать Хартию ООН и решения Заключительного акта в Хельсинки, НАТО «не должно подчиняться никакому другому международному органу и должно оставить за собой право действовать в соответствии с решениями его членов». В апреле 1999 г., в разгар войны в Косово, в коммюнике высшего руководства США «был упразднен принцип традиционного обращения НАТО к Хартии ООН». См. *Un'altra guerra contro l'Iraq? // „Civiltà Cattolica”, 2002, IV, quaderno 3.657, pp.214-215.*

Иоанн Павел II, как нам уже пришлось убедиться во время войны в Заливе, был сильно озабочен монопольным положением американцев как сверхдержавы. Кроме того, предполагаемая акция вмешательства абсолютно отличалась от концепции гуманитарного вмешательства, предложенной Святым престолом. В том варианте, как она была задумана Войтылой, она имела четыре фундаментальные характеристики. Во-первых, такое вмешательство не означало немедленного применения военной силы. Во-вторых, такая операция должна была носить оборонительный характер, ее целью являлись защита населения, оказание гуманитарной помощи и разоружение агрессора. В-третьих, даже если такая акция перерастает в военные действия, они не должны причинить вред, больший нанесенного идущей войной. В-четвертых, такая акция должна быть возглавлена ООН, т. е. организацией, которая представляет все нации всего мира.

Как следовало повести себя Иоанну Павлу II при данном повороте событий? Хранить молчание разочарования. 30 августа 1995 г. начались бомбардировки сербских позиций войсками НАТО: с тех пор ни в одном из вышедших в печать средств информации Святого престола нельзя было найти прямого суждения относительно происходящих событий, излагалась лишь сухая хроника фактов. Ватикан предпочел не высказывать свое мнение, довольствуясь надеждой на то, что, по меньшей мере, страшным страданиям населения воюющих сторон скоро придет конец. После окончания войны, тем не менее, неудовлетворенность Иоанна Павла II методами разрешения югославского кризиса проявилась непосредственно 5 октября 1995 г. в его выступлении в ООН по случаю пятидесятой годовщины образования организации: «Нужно, чтобы Организация Объединенных Наций поднялась от положения организации административного характера до авторитета морального центра, в котором все нации чувствуют себя уютно в рамках общепринятой схемы сосуществования, т. е. в „семье наций“, в которой более сильные нации не должны быть наделяны особыми привилегиями».

## Косово: гуманитарная война?

Осенью 1995 г. после натовских бомбардировок Милошевич согласился на переговоры. Дейтонские соглашения, подписанные в Париже 14 декабря, возвестили о конце старой Югославии. Но в реальности это был «фальшивый мир», который уже тогда нес предпосылки новой войны. Все потому, что сверхдержавы обязали Милошевича решить все проблемы бывшей Югославии, кроме одной: проблемы Косово, согласившись оставить ее в рамках его юрисдикции. Данный край был населен в основном албанцами. Совместное проживание албанцев-мусульман, которые пользовались широкой административной автономией провинции, и сербов-православных с давних пор было непростым: албанцы всегда считали себя притесняемыми со стороны сербов, в то время как сербское меньшинство дискриминировалось и жило под постоянной угрозой сепаратистских устремлений албанцев.

Милошевич решил сделать с косоварами то, что ему не удалось сделать с хорватами и боснийцами: «сербизировать» Косово с помощью этнических чисток. Многие косовары поняли, что «великим мира сего» не до них, и решили ответить силой на силу: они стали поддерживать подпольную военную структуру *УСК* (Армия освобождения Косово), которая принялась состязаться в жестокости с сербами. Если сербы убивали албанцев, *УСК* убивала во время терактов и засад сербов, проживающих в Косово. В 1998 г. *УСК* уже контролировала 40% территории провинции, но летом после жестокой военной кампании сербы вернули себе большую часть утраченной территории. На фоне наступления сербов Европейский союз начал проявлять беспокойство: еще не было пережито унижение времен прошедшего югославского конфликта, как уже нависала опасность снова оказаться в невыгодном свете. Было принято решение действовать без промедления и разрешить кризис дипломатическим путем. Но дипломатия, не поддерживаемая военной силой, как правило, всерьез не воспринимается. С этой целью европейцы решили вовлечь в переговорный процесс в Рамбуллете (осень 1998 г.) американцев,

которые тотчас же завладели инициативой и стали вести переговоры. Они навязывали Милошевичу план, который он никогда бы не принял: вывод югославских войск из провинции и проведение через три года референдума, на котором косовары должны были высказаться либо в пользу независимости, либо в пользу сохранения сербского суверенитета. Если бы югославский президент принял такие условия, ему бы пришлось отказаться от Косово навсегда. Конечно же, он не подписал такой план.

Святой престол со своей стороны был очень озабочен всем происходящим. В интервью газете „Corriere della Sera” кардинал Содано вновь заговорил об акции гуманитарного вмешательства. Необходимо было послать военные силы для того, чтобы разделить воюющих, разоружить агрессора и создать условия для оказания гуманитарной помощи. Речь шла об операции, проводимой под эгидой международного сообщества (упоминалась ООН). Тем не менее, американцы снова выступили с помощью НАТО и начали бомбардировки сербов. В очередной раз Европейский союз проявил свою политическую несостоятельность и пошел на уступки американцам. Напротив, США воспользовались очередной возможностью продемонстрировать свои гегемонистские устремления.

С 24 марта 1999 г., с момента, когда начались бомбардировки, Иоанн Павел II немедленно осудил как насильственные действия сербов против косоваров, так и жестокость военной акции против самих сербов: «Ответ силой на силу не может считаться подходящим способом для выхода из кризиса», – сказал он на выступлении перед членами Парламентской ассамблеи Совета Европы 29 марта. Ежедневник „L’Osservatore Romano” сделал то же самое, неоднократно осудив бесполез-

ность и драматичность «двойной войны: войны, начавшейся ранее в Косово, и военных действий, предпринятых НАТО»<sup>14</sup>.

Беспокойство за страдания населения и решимость провести в жизнь любые мероприятия для того, чтобы стать ближе к жертвам конфликта, постоянно присутствовали в выступлениях Войтылы, от первого до последнего дня войны. Тем не менее, по отношению к воюющим сторонам им была проявлена независимость суждений. Остались разочарованными те, кто ждал более определенной позиции Иоанна Павла II по отношению к Милошевичу, которого называли «Балканский Гитлер», и выступлений в поддержку натовских бомбардировок. Но такое же разочарование ждало и сторонников пацифистских движений, которые с самого начала бомбардировок выступили против акции НАТО и против Соединенных Штатов. В этой связи позицию Святого престола и Войтылы можно было охарактеризовать как угодно, но только не как пацифистскую: кардинал Содано внес предложение о гуманитарном вмешательстве, которое, будучи оборонительным по духу и направленным на разоружение агрессора, априори не исключало использование силы.

Несмотря на то, что Клинтон и его европейские союзники подчеркивали гуманитарный характер войны в Косово, было очевидно обратное: войну в Косово нельзя было назвать «гуманитарной». Во избежание потерь в личном составе НАТО не предприняло наземной операции, а сосредоточилось на бомбардировках. Однако война на расстоянии предполагает ошибки, несмотря на то, что американцами, по их утверждению, использовалось сверхточное электронное оборудование, с помощью которого цель поражалась с хирургической

---

<sup>14</sup> Подобное мнение было неоднократно озвучено газетой Святого престола при различных обстоятельствах в ходе конфликта. Вот некоторые примеры, см. «Для Косово необходимо соглашение, которое уважало бы права разных народов и культур», «Жестокость войны не может задушить надежду на мир», «Переговоры потребуют от всех серьезного отношения к миру», «Мир может победить, если будут побеждены жестокость и безразличие», «Смертоносное оружие сеет смерть среди безвинного населения Балкан» // „L'Osservatore Romano”, 29-30 марта 1999, 2 апреля 1999, 3 апреля 1999, 8 апреля 1999 и 30 апреля 1999.

точностью. В апреле удару подвергся едущий по мосту поезд, который был принят за военный объект: 14 погибших и 15 раненых. «Умная» война убивает невинных людей<sup>15</sup>, гласил заголовок в газете „L'Osservatore Romano“. Аналогичная трагедия произошла в мае: бомба угодила в населенный пункт косоваров, погибли люди.

Все это, однако, не мешало Милошевичу методически уничтожать албанское население Косово, усугубляя гуманитарный кризис. Только наземная военная операция была способна остановить бойню и разоружить сербов: гуманитарное вмешательство, к которому безуспешно призывали Папа и Святой престол.

Американцам удалось отделить Косово от Югославии без предоставления провинции независимости, но не удалось разоружить *УСК* и остановить новую волну этнических чисток, на этот раз проводимую албанцами против сербского меньшинства. В отношении данных этнических чисток международные институты хранили молчание. Молчание продолжается и по сей день: в то время как на старом континенте идут дебаты по преамбуле новой европейской Конституции, делаются ссылки на «христианские ценности», в двух шагах от нашего дома, в Косово, десятками систематически подвергаются разграблению и разрушаются древние православные монастыри. Еще живые «христианские ценности» разрушаются насильно при попустительстве и равнодушии мирового сообщества.

Европеизм Войтылы в этой войне потерпел очередное поражение. Европейский союз в очередной раз в политическом и военном отношении пошел на поводу у Соединенных Штатов.

---

<sup>15</sup> *La guerra "intelligente" uccide persone inermi // „L'Osservatore Romano“, 14 апреля 1999.*

## 11 сентября

11 сентября 2001 года: из исторической памяти трудно стереть картинку, показывающую два самолета, которые направляются на таран нью-йоркских башен-близнецов. Мировая общественность пребывала в шоке, после того как на глазах у всех погибло несколько тысяч американцев.

В период трагедии американский народ продемонстрировал свои лучшие качества: достоинство, упорство и несломленный моральный дух, который не уступал политическому и патриотическому подъему по всей стране.

Через несколько дней стало понятно, кто захватил самолеты: преступники были членами террористической организации Аль-Каида, основанной Осамой бен Ладеном, шейхом из Саудовской Аравии, который находился под защитой теократического правительства движения Талибан в Афганистане.

Новый президент Соединенных Штатов, республиканец Джордж В. Буш-младший, потребовал у афганского правительства, возглавляемого муллою Омаром, выдать американскому правосудию бен Ладена, чья вина была им же самим признана в телевизионном послании, но Талибан отказался. Соединенные Штаты объявили Афганистану войну. Весь мир был на их стороне: на этот раз без затруднений было получено согласие на военные действия со стороны ООН посредством резолюции Совета безопасности № 1368 от 12 сентября 2001 г., согласно которой тяжесть нападения предполагала законные действия по обороне в соответствии с Хартией Организации Объединенных Наций. 7 октября англо-американские войска начали бомбардировки Кабула.

Ватикан безоговорочно поддержал право американцев ответить на агрессию. Характерными были шаги, предпринятые Папой Войтылой. В период с 22 по 27 сентября он посещает Казахстан. Как Пий XII во время второй мировой войны призывал провести разделительную черту между коммунизмом и русским народом, нацизмом и немецким народом, так и Иоанн Павел II в Казахстане, стране, где живет в подавляющем большинстве мусульманское население, просил

отличать «исламский терроризм» от «Ислама», «настоящего Ислама». Действительно, в период, следующий за событиями 11 сентября, мировая общественность поддавалась настроениям антиисламской истерии, и это не обошло стороной даже католиков. Было много таких, которые были готовы «благословить» антимусульманский крестовый поход. Но среди них не было Иоанна Павла II. Наоборот, он призывал мир подойти к проблеме с холодным рассудком, а не в ослеплении от гнева. Казахстан как раз относился к государствам с мусульманским населением, которое считало Талибан и террористов своими врагами. Нельзя превращать соломинку в бревно: «Я хотел подтвердить уважение католической церкви к Исламу, настоящему Исламу: Исламу, который живет молитвами, обеспокоенностью за судьбы нуждающихся». Эти слова были сказаны Папой, который сделал диалог с Исламом одним из центральных пунктов своей деятельности: за двадцать два года он посетил двадцать три страны с преобладающим мусульманским населением, не считая постоянной поддержки жертв-мусульман во время войны в Югославии. Он был первым Папой в истории, который вошел в мечеть. Это произошло в 2001 г. в городе Дамаске (Сирия). Одновременно Папа, не колеблясь, осуждал терроризм. «Ненависть, фанатизм и терроризм оскверняют имя Бога и обезображивают истинную сущность человека». В послании по случаю Международного дня мира в 2002 г. им было заявлено: «Терроризм основывается на презрении к человеческой жизни» и является «преступлением против человечества. Однако мы имеем право защищаться от терроризма». Государственный секретарь поручил представителю Святого престола, Хоакину Наварро-Валлсу признать право американцев на военное вмешательство в Афганистане. Хоакин Наварро-Валлис говорил: «Если кто-то нанес серьезную рану обществу и есть опасность того, что он, оставаясь на свободе, способен нанести удар еще раз, вне сомнения, что тот, кто в ответе за судьбы страны, имеет полное право на самозащиту, даже если используемые средства могут носить достаточно агрессивный характер». Это должно

произойти после того, когда были испробованы все пути мирного разрешения конфликта. Но самозащита должна осуществляться в соответствии с четко определенным критерием: использование силы должно быть пропорционально полученному удару. В данном случае война нужна для восстановления «справедливости», а не как способ «мести». Необходимо было наказать террористов, а не отыгрываться на всем невинном населении (афганских мусульманах). Начиная с 12 сентября, Иоанн Павел II призывал мировую общественность следить за тем, чтобы превалировала справедливость, а не раскручивать «спираль ненависти и насилия». «Уголовная ответственность имеет персональный характер, и поэтому нельзя распространять ее на целые нации, этнические группы и религии, к которым принадлежат террористы», – говорил Папа в Послании по случаю Международного дня мира в 2002 г. Месть способна только увеличить размеры трагедии. Если не поступать по справедливости, не делая различий между терроризмом, с одной стороны, и афганским народом и мусульманским миром в целом, с другой стороны, – существует риск вызвать ответную реакцию недовольства несправедливо пострадавших, что может иметь негативные последствия в международном масштабе. Напротив, только «международное сотрудничество в борьбе против террористической деятельности предполагает определенные обязательства в политическом, дипломатическом и экономическом плане, направленные на успешное разрешение и выявление причин, которые являются движущим мотивом терроризма. Почва для возникновения терроризма более благоприятна в том социальном контексте, где постоянно попираются гражданские права и люди слишком долго страдают от несправедливости». Следуя принципиальной линии своих предшественников, Иоанн Павел II отказывался благословлять крестовые походы мирового масштаба: да – законному праву США на справедливую самозащиту, нет – праву на месть.

Во время молитвы «Ангел Господень» 18 ноября 2001 г. Войтыла подчеркнул свою добрую волю в отношении мусульман-

ского мира, призвав католиков посвятить один день поста установлению мира во всем мире и провести его в последний день Рамадана, 14 декабря. 24 января 2002 г. папа пригласил представителей всех религий мира на день молитвы в г. Ассизи. Уже в третий раз во время своего понтификата<sup>16</sup> Иоанн Павел II делал попытку доказать миру, что цель всех религий состоит в миссии мира и что террористы-фундаменталисты давали искаженную интерпретацию такой миссии: они не могли использовать имя Бога для оправдания войны и совершения акций, подобных нападению, совершенному 11 сентября. Наиболее многочисленные делегации представляли три основные монотеистические религии: христиан, иудеев и мусульман. Можно отметить два знаменательных события этого дня. Речь Иоанна Павла II на утреннем заседании: «Долг как людей, так и религиозных конфессий состоит в том, чтобы продемонстрировать категорическое неприятие насилия, всякого насилия, в том числе и того, которое рядится в одежды религиозности, прикрывается священным именем Бога для того, чтобы навредить человеку. Сделать плохо человеку – значит сделать плохо Богу. Не может существовать такой религиозной цели, которая оправдывала бы насилие человека над человеком». Выступление Войтылы перекликалось с тем, что уже было им сказано в Послании по случаю Международного дня мира в 2002 г.: «Фанатизм фундаменталистского толка входит в противоречие с верой в Бога [...] Никто из религиозных деятелей не обладает индульгенцией по отношению к терроризму и меньше всего имеет право его проповедовать». Вторым знаменательным событием дня стал итоговый заключительный документ, принятый представителями религий, собравшимися в г. Ассизи, изложенный в десяти параграфах,

---

<sup>16</sup> Первый крупный экуменический съезд по проблемам мира состоялся в самый разгар холодной войны 27 октября 1986 г.; второй, и мы это видели, состоялся 10 января 1993 г. по окончании войны в Югославии. В Форуме в г. Ассизи 24 января 2002 г. приняли участие представители следующих религий: христиане, иудеи, мусульмане, синтоисты, буддисты, индуисты, сикхи, джианисты, зороастрианцы, конфуцианцы и последователи Тенриkyo.

который носил название «Обязательства по установлению мира» и в котором было написано, в частности, следующее: «Мы обязуемся пропагандировать наше твердое убеждение в том, что насилие и терроризм противоречат религиозному духу, а также осуждать всякую попытку прибегнуть к насилию или к войне во имя Бога или религии, мы обязуемся делать все возможное, чтобы искоренить причины терроризма».

Встреча в Ассизи была очень кстати: война в Афганистане закончилась 6 декабря 2001 г. полным разгромом теократического режима движения Талибан<sup>17</sup>, но это была еще не окончательная победа. Мулле Омару и бен Ладену удалось бежать; Аль-Каида будет продолжать использовать имя Бога для оправдания актов религиозного терроризма: опасность еще не миновала.

### «Превентивная война»...

Нападение на Башни-Близнецы 11 сентября 2001 г. открывало эру нового мирового устройства, на этот раз под знаком борьбы с терроризмом. 29 января 2002 г. в своем выступлении в конгрессе по положению дел в альянсе Буш провозгласил новую доктрину, которая имела яркий наступательный характер против террористической опасности и предусматривала законность и возможность «превентивной войны» против наций, которые производили оружие массового уничтожения. В числе первых были названы страны, которые входили в так называемую «Ось зла», а именно: Ирак, Иран и Северная Корея. Ставилась цель обеспечить не только безопасность нации, но и всего мира.

---

<sup>17</sup> Англо-американские войска опирались в войне на подразделения Северного альянса, которые хотя и были разбиты Талибаном в 1996 г., но продолжали сопротивление. Войска Северного альянса вошли в Кабул 5 декабря. На следующий день пал Кандагар, последний оплот сил Талибана. Конференция, которая состоялась в Бонне, дала разрешение различным подразделениям альянса договориться о создании правительства Афганистана.

Американцы были намерены вести «превентивную войну», ни у кого не прося ни помощи, ни разрешения: если ООН или другие страны решат присоединиться к ним, тем лучше, если нет, то они справятся сами. Для американцев события 11 сентября, казалось, предоставляли возможность утвердиться в роли «мировых полицейских». Помимо этого, «превентивная война» давала им возможность осуществить их давнюю мечту: экспортировать по всему миру западные ценности свободы, демократии и свободного рынка, истинными носителями которых они всегда себя считали.

В феврале 2003 г. Соединенные Штаты и американское правительство поручили американскому послу при Святом престоле Джеймсу Николсону организовать в Ватикане симпозиум с целью убедить Папу Иоанна Павла II «благословить» «превентивную войну» и выступить на стороне Соединенных Штатов. Теоретизация теологической законности справедливой войны была доверена экономисту Майклу Новаку. Что-то подобное уже имело место в 1951 г. во время войны в Корее, когда президент Трумэн сделал попытку «завербовать» Пия XII в качестве знаменосца «крестового похода» против коммунистов. Тогда папа римский Пачелли, которого никак нельзя было заподозрить в симпатиях к коммунизму, отклонил предложение и в рождественском радиопослании дистанцировался от «так называемого свободного мира», указав на то, что никто не может рассматривать церковь в качестве очередного рекрута.

Ответ Иоанна Павла II не отличался от ответа, который дал Пий XII Трумэну и Тэйлору. «Превентивная война» имела мало общего с концепцией «справедливой войны», проповедуемой католической церковью. Кроме этого, «превентивная война» носит явно агрессивный характер, и это совсем не то, что связывается с понятием права на самооборону, которое Ватикан признал за американцами после событий 11 сентября.

Более того, доктрина «превентивной войны», как писал в *Civiltà Cattolica*, «открывает путь новым бесконечным войнам, поскольку развитие оружия массового поражения, атомного и

ядерного оружия, которым пытаются завладеть даже бедные страны, будет представлять постоянную угрозу для других стран подвергнуться военной агрессии. Если страны, считая, что они находятся под угрозой подвергнуться нападению, решат напасть первыми на страну, которая им угрожает, войнам на всей планете не будет конца»<sup>18</sup>.

В 2002 г. Буш начал настоящую «подготовку к войне». Летом американский президент обсудил план нападения с Центральным командованием Пентагона<sup>19</sup>. Только постфактум было принято решение привлечь к решению проблемы Совет безопасности ООН; это была, скорее, формальность, потому что еще до того, как Совет безопасности принял резолюцию заставить Саддама разоружиться, 10 октября 2002 г. Бушу были даны широкие полномочия конгрессом и сенатом США на ведение войны в Ираке. Решение Буша-младшего, поддержанное Англией Тони Блэра, натолкнулось на сопротивление со стороны России, Китая, Франции и Германии. Эти страны были противниками ведения войны в Ираке. Скептическую позицию заняли арабские страны. Однако был достигнут компромисс: резолюция № 1441 от 8 ноября 2002 г., принятая единогласно, требовала от Ирака вернуть инспекторов, которые 27 января 2003 г. должны были представить ООН отчет об истинных намерениях Саддама разоружиться. Данный срок был продлен до 14 февраля. 5 февраля устами Государственного секретаря Колина Пауэлла США представили в Совет безопасности, по их мнению, доказательства невыполнения требований со стороны Саддама. 14 февраля на заседании Совета безопасности инспекторы ООН подвергли сомнению доказательства, представленные Пауэллом, и с согласия американцев было решено подождать следующего отчета. В любом случае решимость Буша-младшего была непоколебима: сразу же была начата подготовка второй резолюции

---

<sup>18</sup> *No a una guerra «preventiva» contro l'Iraq // „La Civiltà Cattolica”, 2003, I, quaderno 3.662, p. 107-117.*

<sup>19</sup> *E. Caretto, Pronto l'attacco all'Iraq. Invasione simultanea da tre Paesi // „Il Corriere della Sera”, 6 июля 2002.*

по кризису, которая просила ООН принять к сведению невыполнение Саддамом условий по разоружению и приступить к силовой акции. В противном случае Соединенные Штаты готовы были действовать в одиночку. Было ощущение, что решение по войне было принято американским президентом уже давно. Совет безопасности был предупрежден: если ООН не поддержит акцию, то потеряет «законность и доверие» как международный институт.

«Наступлению войны» англо-американской коалиции было противопоставлено «наступление мира» Иоанна Павла II и дипломатии Ватикана. С самого начала бросилась в глаза аналогия с войной в Афганистане. Нами уже было неоднократно отмечено, что для того, чтобы стать посредником между сторонами, папа римский должен был действовать очень осторожно и беспристрастно. Во время войны в Афганистане, чтобы не нарушить это основное правило, он не произнес ни разу слово «самооборона», предоставляя право выразиться более предметно на этот счет дипломатическим структурам Ватикана. Во время войны в Ираке он вел себя аналогичным образом: не обмолвился ни разу о «превентивной войне», оставляя это право за дипломатией. Причина была одна и та же: откровенные высказывания по поводу «самообороны» или «превентивной войны» навредили бы репутации непредвзятости по отношению к Соединенным Штатам, т. е. в их пользу в случае войны в Афганистане и против них во время войны в Ираке. Более ясно на этот счет высказалась дипломатия Ватикана, признавая за США право самообороны и, наоборот, отказав им в поддержке в вопросе «превентивной войны».

Деятельность папы можно разделить на два отдельных периода, принимая за водораздел речь папы перед дипломатическим корпусом 13 января 2003 г. Во время первого периода Войтыла ограничивался мимолетными публичными выступлениями. Готовность Ирака сотрудничать, к примеру, отмечалась в конце всеобщей аудиенции 18 сентября 2002 г.: «хорошая новость» должна сопровождаться молитвой за то, чтобы «Господь осветил разум руководителей наций». Даже

факт отправки письма Бушу держался в секрете до середины января. В письме Иоанн Павел II в очень вежливых тонах призывал Буша найти невоенное решение кризиса в Палестине. Только решив палестинскую проблему, можно было надеяться на стабилизацию ситуации на Ближнем Востоке. Больше всего Папа просил избежать войны в Ираке.

В рождественском Послании городу и миру снова была затронута тема миссии мира религий всего мира: «Призываю верующих всех религий [...] способствовать установлению мира: прежде всего на Святой земле, остановить безумную и слепую спираль насилия, а на Ближнем Востоке потушить зловещие отблески конфликта, которого можно избежать только совместными усилиями».

Но самым значимым было выступление перед дипломатическим корпусом: «Война [...] это всегда поражение для человечества. Международное право, равноправный диалог [...] использование дипломатических рычагов – вот методы решения спорных проблем». После того как были сказаны слова о Святой земле, он задался следующим вопросом: «Что можно сказать об опасности войны, которая может обрушиться на население Ирака [...] и без того истощенное более чем двенадцатью годами эмбарго? [...] Нельзя прибегать к войне, если речь не идет об общем благе и если война не является последней возможностью для достижения цели; все предпринятые действия происходят в рамках строго очерченных условий и не игнорируются последствия для населения».

Подчеркивалась важность межрелигиозного диалога «в особенности с Исламом», который является «лучшим антидотом от терроризма с фундаменталистским уклоном. Был также дан ответ тем, кто обвинял Папу в «молчании» в отношении преследуемых христиан в пользу экуменизма: «я выступаю от имени всех тех христиан, от Азии до Европы, которые стали жертвами насилия и нетерпимости». Выступление перед дипломатическим корпусом явилось началом второго периода «наступления мира» Войтылы: начата серия выступлений

более открытого и прямого содержания в преддверии дипломатической акции, которая состоялась в феврале.

Йошка Фишер (7 февраля), Тарик Азиз (14 февраля), Кофи Аннан (18 февраля), Тони Блэр (22 февраля), Хосе Мария Азнар и посланник Сейеда Мохаммеда Резы Хатами, глава правительства теократической республики Иран (27 февраля) – шесть человек были приняты Иоанном Павлом II за три недели. К этому списку необходимо добавить папского посланника в Багдаде кардинала Роджера Этчегерея (15 февраля) и миссию кардинала Пия Лаги, апостольского нунция в Соединенных Штатах в период с 1980 г. по 1988 г., в Вашингтоне (3-9 марта). В Ватикане был дан рабочий завтрак для Председателя правительства Италии Сильвио Берлускони (4 марта). Предприняты усилия на всех направлениях для того, чтобы избежать войны и продолжения страданий иракского населения и одновременно попытаться сделать так, чтобы эта страна Персидского залива пошла навстречу резолюциям ООН. Достаточно посмотреть имена политиков, с которыми встречался Войтыла, чтобы отдать себе отчет в том, что Папа обратился ко всем вовлеченным в решение проблемы сторонам: пригласил Генерального секретаря ООН, высшее должностное лицо в мировой иерархии, вице-президента Ирака (по его просьбе), главу правительства Англии, страны, являющейся традиционным союзником американцев, высших должностных лиц двух стран, принадлежащих к двум противоположным лагерям, на которые разделился Европейский союз по вопросу иракского кризиса, – Фишера (министра иностранных дел Германии) и Азнара (главу испанского правительства), а также влиятельного представителя арабского мира, посланника Хатами.

Линия, которой следовали Иоанн Павел II и Святой престол, была традиционной: избежать дипломатического размежевания и поддержать ООН, единственного гаранта международной законности. На встречах с Блэром, Фишером и Азнаром Войтыла выдвинул предложение снять дипломатические разногласия между странами по вопросу иракского кризиса:

еще одно доказательство европеизма Войтылы, который был разочарован очередной распрей внутри Европейского союза. Кофи Аннуну Иоанн Павел II и Содано подтвердили свою готовность рассматривать ООН в качестве «главного авторитета» для церкви. Тарика Азиза и Саддама через Этчегерея Иоанн Павел II просил пойти на реальные шаги сотрудничества с ООН по вопросу разоружения и соответственно подчиниться резолюции № 1441. Бушу через представителя Лаги было в ясной форме сказано, что ООН является единственным гарантом международной законности: только специальная резолюция ООН может санкционировать использование оружия. «Февраль Войтылы» закончился конференцией с участием 74 послов и поверенных в делах со всего мира, которым Тауран повторил те же концептуальные моменты, что были изложены Папой и Святым престолом на протяжении долгого и напряженного «наступления мира».

«Я не понимаю такой позиции», – заявила в полемическом запале Кондолиза Райс, советник Буша по национальной безопасности, комментируя отношение папы и Святого престола как к иракскому кризису, так и к доктрине «превентивной войны». На данной стадии трудно не заметить разочарование американского правительства позицией Папы, который не намеревался сводить свою роль к исполнению должности «капеллана Запада». В то же время это свидетельствует о независимости Святого престола по отношению к Соединенным Штатам, по отношению к Саддаму, которого он неоднократно призывал пойти по пути сотрудничества с мировым сообществом, а также по отношению к пацифистскому движению. Мир, предложенный в данном случае Иоанном Павлом II, не имеет ничего общего с идеологией. Данную позицию нельзя ни в коем случае смешивать с предвзятостью определенных пацифистских движений, цель которых – осудить США при любых обстоятельствах, при этом сознательно «закрываются глаза» в отношении кровавых конфликтов, происходящих в других странах, и когда не замечаются грубые нарушения прав человека во многих других частях света. По словам кардинала

Анджело Содано, Святой престол считает себя не «пацифистом, а скорее миротворцем». Как раз в тот момент, когда казалось, что война неизбежна, Иоанн Павел II сделал со своей стороны все возможное, чтобы такую войну предотвратить, объявил 5 марта Днем молитвы и поста за мир на Ближнем Востоке, и этому призыву вняло общественное мнение во всем мире.

В воскресенье 16 марта, когда Соединенные Штаты, Англия и Испания обсуждали во время встречи в верхах на Азорских островах последние приготовления, Иоанн Павел II перед верующими, собравшимися на площади Святого Петра, и перед миллионами телезрителей всего мира продемонстрировал свою приверженность делу мира и произнес самую проникновенную и впечатляющую речь с момента начала иракского кризиса: «Перед фактом ужасных последствий для населения Ирака и для стабильности на Ближнем Востоке, уже не раз подвергавшихся испытанию, а также во избежание повторения насилия, причиной которого может стать военная операция, заявляю всем, что еще есть время для переговоров; еще есть время для установления мира; никогда не поздно прийти к взаимопониманию и продолжить переговоры».

Иоанн Павел II связывал себя с линией, которой придерживались его предшественники по отношению к проблеме войны, и старался определенным образом дистанцироваться от пацифизма: «Нельзя достигнуть мира любой ценой». С другой стороны, «мы все знаем, насколько велика ответственность. Наше спасение в молитве и раскаянии!». Страны-участницы конфликта тоже получили предупреждение: «Политики, принимающие решение в Багдаде, должны немедленно понять, что только полное сотрудничество с международной общественностью даст надежду на устранение опасности вооруженного вторжения. К ним адресовано мое настойчивое обращение: судьбы их граждан должны стать для них приоритетом!». Соединенным Штатам, Англии и Испании тем временем напомнил, хотя названия стран и не были произнесены, что «применение силы представляет крайнее средство для

решения проблемы после того, как испробованы все пути мирного разрешения в соответствии с хорошо известными принципами Хартии ООН».

Той же ночью Буш выдвинул Саддаму ультиматум: диктатору предоставляли 48 часов для того, чтобы покинуть страну. На следующее утро директор Зала печати Святого престола Хоакин Наварро-Валлис сделал следующее заявление: «Кто принимает решение о том, что исчерпаны все мирные средства, которые предоставляет международное право, тот несет ответственность перед Богом, перед своей совестью и историей». Саддам отклонил ультиматум, и война началась: в ночь на 20 марта начались бомбардировки.

Мы все прекрасно знаем, как велась война и к чему это привело. Позвольте мне процитировать в этой связи фразу *De civitate Dei* Святого Августина (V, 17): «Что сделали плохого римляне, когда подчиненным народам навязали свои законы с помощью разрушений и насилия? Если бы они это сделали с помощью компромисса, то тот же результат был бы достигнут со значительно меньшими потерями. Хотя провозглашенному победителю это не прибавило бы славы».

## **Мир, справедливость, прощение**

Мы проанализировали лишь отдельные моменты основных выступлений Иоанна Павла II до и во время крупных военных конфликтов в течение срока его понтификата. Нельзя до конца осознать причины папских воззваний, если не рассматривать их контексте общей концепции, определенной энцикликлой *Pacem in terris*, опубликованной Джованни XXIII сорок лет назад. Мир в соответствии с социальной доктриной церкви базируется на четырех основных ценностях: истине, справедливости, любви и свободе. «Истина, – писал Иоанн Павел II в своем Послании по случаю Международного дня мира в 2003 г., – станет основой мира, если каждый человек будет честно и добросовестно относиться как к своим правам, так и своему долгу в отношении ближних. *Справедливость*

укрепит мир, если каждый проникнется уважением к правам других и сделает все возможное, чтобы с достоинством выполнить свои обязанности по отношению к ближнему. *Любовь* станет ферментом мира, если люди будут относиться к проблемам ближних как к своим собственным и делиться тем, чем владеют, в первую очередь духовными ценностями. Наконец, *свобода* будет питать мир и способствовать его процветанию, если при выборе средств достижения свободы люди будут следовать воле разума и смело брать на себя ответственность за собственные поступки».

«Доктрина» может быть синтезирована наиболее употребительными выражениями из вышеупомянутой энциклики: «Человеческое достоинство является основой мира». Вот почему существует прочная взаимосвязь между выступлениями Папы Войтылы, осуждающими войны, и речью, которую он произнес в мае 2003 г. перед представителями итальянского Движения за мир: «Не может быть настоящего мира без уважения к человеческой жизни, особенно если речь идет о безвинной и незащищенной жизни, например, жизни еще не родившегося ребенка. Элементарная логика предполагает то, что тот, кто ищет мира, должен защищать жизнь. Никакая акция во имя мира не может дать результата, если не сопротивляться всеми средствами посягательствам на человеческую жизнь на любой стадии ее развития, от рождения до естественного ее окончания».

В заключение хотелось бы процитировать слова папы римского, содержащиеся в его Послании по случаю Международного дня мира в 2002 г. Оно было подготовлено после трагических событий 11 сентября. «Драматические события 11 сентября прошлого года» заставили «людей во всем мире [...] смотреть в будущее с чувством [...] опасения». Страху «церковь хотела бы противопоставить надежду [...] на то, что зло не играет первую скрипку в человеческих делах». Однако погранный порядок не восстановится, если не объединятся усилия справедливости и прощения. «Столпами настоящего мира являются справедливость и та особая форма любви, кото-

рая называется прощением.» Может показаться невозможным говорить о прощении на фоне трагедии, подобной той, которая произошла 11 сентября, но Войтыла отвечает на это тем, что «можно и *нужно* говорить об этом», потому что «прощение входит в противоречие с гневом и мстостью, а не со справедливостью».

С учетом того, что «человеческая справедливость является вещью слишком хрупкой и несовершенной, подверженной прихотям отдельных личностей и групп», она дополняется прощением, которое имеет «божественные истоки и масштабы». Прощение, «которое лечит раны и восстанавливает испорченные отношения между людьми», свойственно человеческой природе: всякий человек желает, чтобы другие люди были снисходительны в отношении с ним. Почему же не поступать с другими так, как вы бы хотели, чтобы поступали с вами? Человек и соответственно «государства, мировое сообщество нуждаются в прощении». Нехватка прощения скорее, наоборот, «подпитывает конфликты». Мир, установленный с помощью силы, порой порождает новые войны, становится причиной роста числа людей, желающих отомстить. «Внешне прощение может показаться слабостью, но на самом деле оно «предполагает наличие духовной силы и моральных качеств высшей пробы». Не уменьшая значения человеческой личности, прощение приводит ее к более полному и глубокому пониманию гуманизма». В заключение звучат следующие слова: «Нет мира без справедливости, нет справедливости без прощения [...] я хотел бы напомнить это тем, у кого находятся бразды правления людскими судьбами, чтобы они руководствовались в своих поступках, принимая трудные решения, идеалами истинного добра во имя человека и общего благосостояния».